

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Котова Т.Н.

**Становление репрезентационных возмож-
ностей в ходе эмоционального развития:
модель интериоризации М.Холодински и
модель социо-биологической обратной свя-
зи Д.Гергея и Дж.Уотсона**

Москва 2020

Аннотация. В данной работе сравниваются две модели эмоционального развития, выделяющихся среди множества существующих особым вниманием к механизму перехода от более ранних форм эмоций к более зрелым с появлением репрезентации эмоционального содержания. Модель интериоризации М. Холодински предлагает интерпретировать эмоциональное развитие по аналогии с подходом Л. С. Выготского к развитию мышления и внутренней речи. Модель социо-биологической обратной связи в эмоциональном развитии Д. Гергея и Дж. Уотсона построена на анализе восприятия согласованности в младенчестве. Проведенный нами анализ показал как общие черты, так и различия между подходами.

Ключевые слова: развитие эмоций, интериоризация, репрезентация эмоций, предшественники эмоций в младенчестве, полноценно функционирующие эмоции, социальное научение, эмоциональная экспрессия

Котова Т.Н., старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории когнитивных исследований ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2019 год.

В описанных в специальной литературе теориях эмоционального развития представлены преимущественно этапы развития, с описанием возможностей ребенка на той или иной стадии (Campos, Barrett, Lamb, Goldsmith, & Stenberg, 1983; Labouvie-Vief, 2003; Lewis, 2000; Saarni, 1999), но практически не удается встретить предположений, теорий или подходов, включающих в себя механизмы такого развития, объясняющих переходы с этапа на этап. С другой стороны, в работах, посвященных эмоциональным явлениям как таковым, с общепсихологической точки зрения, можно встретить суждения об общих механизмах возникновения и о происхождении в онтогенезе эмоций, базовых эмоций, схем эмоций, категоризованных эмоций и других выделяемых феноменов (Frijda, 1988; Ekman, 1992; Lazarus, 1991; Ekman & Cordaro, 2011; Scherer, 2001; Barrett & Russell, 1999). Однако такие суждения обычно носят самый общий характер и никак не соотношены с какими-либо этапами психического развития.

Так, например, А.Сроуф (Sroufe, 1997) утверждает, что истинные эмоции образуются из неких предшественников (precursors) – врожденных форм переживаний, не относимых к объектам во внешнем мире, в наименьшей степени психологически базированных, скорее характеризующихся активацией и возбуждением, нежели значением. Автор описывает довольно подробно различия между предшественниками и собственно эмоциями, но процесс перехода от одних к другим лишь называет трансформацией, и указывает, что данный процесс никак не предзадан, не является преформированным и совершается по мере накопления опыта.

Сходным образом, и К.Изард, когда вводит различие между базовыми эмоциями и схемами эмоций, говоря, что первые из них являются врожденной, предзаданной формой, а вторые – формируются прижизненно, в большей степени фокусируется на различиях в их протекании, характеристиках и функциях (Izard, 2007). В предлагаемом им подходе схемы эмоций включают в себя определенные образы, мысли и перцептивный опыт, длятся значительно дольше базовых эмоций, а устойчивые группы таких схем даже могут выглядеть, как личностные черты (там же). Про механизм появления схем эмоций К.Изард поясняет, что он представляет собой ассоциативное научение, при котором впечатления и переживания человека, обычно сопутствующие в его индивидуальном опыте той или иной эмоции, складываются в стабильную психологическую систему, функционально решающую те же задачи в жизни человека, что и базовые эмоции, но на более когнитивно богатом и индивидуализированном уровне.

Тем не менее, существуют две модели эмоционального развития, посвященных не-

посредственно механизму перехода от более ранних форм эмоций к более зрелым. В данном обзоре мы хотели бы сравнить эти модели и попутно раскрыть их более подробно для заинтересованного читателя. Речь идет, с одной стороны, о теории интериоризации М.Холодински (Holodynski, 2013; Holodynski & Friedlmeier, 2006), в целом, предлагающего интерпретировать эмоциональное развитие по аналогии с моделью интериоризации Л.С.Выготского в отношении развития мышления (Выготский, 2014). С другой стороны, нас будет интересовать концепция социо- биологической обратной связи в эмоциональном развитии Д.Гергея и Дж.Уотсона (Gergely & Watson, 1999), построенная на анализе восприятия согласованности в младенчестве.

Два этих подхода видят своей основной задачей объяснение того, как именно существующие в самом начале младенчества, в период новорожденности, формы реагирования на события и состояния, вступая во взаимодействие с условиями жизни, приходят к преобразованию в зрелые, развитые и сложные формы. И в главном, как мы увидим при развернутом анализе этих подходов, механизм, ими предлагаемый, имеет много общего: в основе процесса развития лежит, по замыслу обеих моделей, взаимодействие между ребенком и взрослым в ходе достижения им удовлетворения своих потребностей в условиях, когда он сам фактически не имеет никаких возможностей для их достижения.

То, что в этой ситуации делает взрослый, в соответствии с обоими подходами, оказывается в дальнейшем буквально встроено в протекание индивидуальной эмоциональной реакции на новом ее уровне, то есть, интериоризируется. Более того, обе модели говорят о знаковой природе интериоризируемого содержания. Однако уже в этом моменте, в определении того, что именно в поведении взрослого по отношению к младенцу становится в ходе развития знаковым опосредованием его первичных эмоциональных реакций, между моделями обнаруживаются различия.

По мнению М.Холодински, младенец изначально сталкивается с эмоциональной экспрессией взрослого, возникающей в ответ на внешне заметные проявления его эмоциональных состояний. Такая экспрессия и становится знаком для эмоций младенца, встраивается в процесс эмоциональной реакции. «Я предполагаю, что с точки зрения развития ребенка, экспрессивные сигналы являются первой включенной в культуру знаковой системой, опосредующей эмоциональную регуляцию взаимодействия между ребенком и близким ухаживающим взрослым» (Holodynski, 2013, p.16).

Дело в том, что теоретически для М.Холодински было важно подчеркнуть в своей модели тот факт, что языковые конструкции, структурирующие эмоции, придающие им то

или иное значение, вступают в действие позже, и не являются ключевыми в процессе становления собственно эмоций. Одна из внешних (по отношению к проблеме развития эмоций) целей его модели состоит в объяснении культурной и исторической специфики, вариативности эмоций. Имеющиеся в этом направлении концепции часто обращаются к терминам эмоций, существующим в разных языках (Lutz, 1988; Wierzbicka, 1999). Эти термины по-разному обобщают эмоциональные переживания, их значение и соотнесение с обстоятельствами, подчас выделяя в отдельную группу то, для чего в других языках нет самостоятельного названия. За счет этого, языковые различия могут обуславливать различия в восприятии, протекании и экспрессии эмоций, вообще в их месте в жизни. Холодински же подчеркивает, что еще раньше, чем ребенок столкнется с языком, он имеет дело с другой знаковой системой, эмоциональной экспрессией, и именно она определяет, в какие группы сложатся исходно имеющиеся эмоциональные переживания младенца.

При этом, Холодински указывает, что эмоции взрослого, конечно, уже содержат значения, «амальгамированы» языком, а раз так, то и экспрессия взрослых до некоторой степени эту форму обобщения несет в себе. В этом смысле, взрослый, реагируя на переживания младенца с помощью такой экспрессии, уже преобразует эмоциональные переживания, обобщает их определенным образом. Говоря об этом, Холодински перечисляет также примеры экспрессивных знаков, которые, вероятнее всего, появились уже после осознания эмоций, и часто выглядят, как культурно- специфические: сжатые кулаки при гневе, удивленный присвист. Однако он не уделяет внимания различению этапов развития эмоций, на которых эти варианты экспрессивных знаков могли бы быть освоены, с одной стороны, и могли бы оказывать влияние на ход развития эмоций, опосредуя переживания более раннего уровня, с другой.

Д.Гергей и Дж.Уотсон упоминают экспрессию взрослого в качестве знака, в их терминологии, референциального «якоря», для переживаний ребенка, но по предлагаемой ими модели важна не любая экспрессия, сопутствующая этому переживанию, и не только экспрессия. Д. Гергей и Дж.Уотсон подробно анализируют процесс взаимодействия младенца и ухаживающего за ним взрослого. С опорой на эмпирические исследования, посвященные коммуникативным средствам, которые включены в него, и указывающие на значимость для младенца согласованного и последовательного применения взрослым этих средств (Beebe & Lachmann, 1988; Hains & Muir, 1996; Tronick, 1989), Гергей и Уотсон выделяют «отзеркаливание» аффекта как ту часть поведения взрослого, которая скрепляет («anchor») рудиментарные формы эмоций младенца и придает им характер репрезентации

(Gergely & Watson, 1999).

«Отзеркаливание» аффекта подразумевает в первую очередь интерпретацию взрослым состояния ребенка. Взрослый, ухаживающий за младенцем, на эмпатическом уровне, а также с более эксплицитной позиции культурно-обусловленных представлений об эмоциях и обстоятельствах, которые могут их вызывать, наблюдая те или иные проявления состояний ребенка, распознает эти состояния, пусть и не всегда правильно. С одной стороны, это вызывает у взрослого собственные эмоции. Например, плач может привести немало тревожную молодую маму в напряженное, близкое к досаде и чувству вины состояние («Я так долго не могу его успокоить!»). Эта эмоция не является «зеркалом» переживания младенца. С другой же стороны, попытки понять младенца (повторимся: как намеренные, так и интуитивные, запускаемые автоматически) приводят к тому, что взрослый начинает переживать и те эмоции, которые он обычно переживает в состоянии, распознанном им у младенца. Например, та же мама может в момент плача младенца вспомнить, что в предыдущее кормление он был беспокоен и не активен, а значит, вероятнее всего, мало поел, и сейчас голоден, и тогда испытать эмпатически беспокойство и «поисковую» активацию, свойственную голоду, что отразится в ее мимике, движениях, и действиях. Эти изменения, вызванные воспринимаемым взрослым переживанием ребенка, и будут «отзеркаливанием» аффекта, которое Д.Гергей и Дж.Уотсон включают в свою модель.

Как мы видим, «отзеркаливание» аффекта включает в себя не только экспрессию эмоций взрослого, но и те действия, которые энергетизированы данной эмоцией. Взрослый сообщает младенцу, как бы ни был тот мал, о состоянии, которое он обнаружил, и экспрессией, и речью («О, Петя кушать хочет! Ты кушать хочешь, да? Сейчас мы покушаем, конечно, покушаем» или «Ой, ты как смеешься! Смешная она, да? Веселая какая игрушка! Вот гремит как!»), и манипуляциями, как правило, по устойчивому сценарию, направленными на удовлетворение соответствующей потребности (взять на руки, расположить в привычной позе для кормления или встряхивать головой, чтобы рассмешить). В этом случае, получается, что и экспрессия, и речь, и действия, адресованные младенцу, начинают существовать как целостный знак, поясняющий ему его состояния и обобщающий их по определенному значению.

Включение действий взрослого в этот набор приобретает особый интерес в контексте рассмотрения модели Холодински. Дело в том, что Холодински, излагая представления об эмоциях, на которых он строит свою модель интериоризации, берет за основу позицию А.Н.Леонтьева (2004, 1971). Но указывает на существенную, по его мнению, критику

функциональной интерпретации эмоций: подход Леонтьева не учитывает такого важного компонента эмоции, как «готовность к действию» (action readiness), который продемонстрирован в целом ряде эмпирических работ (Campos, Campos, & Barrett, 1989; Frijda, 1986; Holodynski & Friedlmeier, 2006). С точки зрения Холодински, регуляция действий – одна из центральных функций эмоций, и то, какие именно действия оказываются энергетизированы данной эмоцией, характеризует как индивидуальную, так и внутрикультурную специфику данной эмоции.

Если мы не будем включать действия взрослого, ухаживающего за младенцем, в структуру, которая интериоризируется, и благодаря интериоризации которой формируются собственно эмоции, ограничим эту структуру только экспрессией, как подразумевает модель Холодински, мы не сможем полностью объяснить возникновение этого компонента в эмоции. Либо нам нужно будет допустить, что энергетизация действия существует как компонент переживаний новорожденного изначально. Однако, разговор о таком допущении затрагивает уже следующее основание для сравнения моделей Гергея-Уотсона и Холодински. Оно состоит в существенно разном понимании «стартовой точки» эмоционального развития.

М.Холодински часто использует терминологию А.Сроуфа (Sroufe, 1997), называя самые ранние формы эмоций «предшественниками», и соглашается с тем, что эти формы нельзя называть полноценно функционирующими эмоциями, но, в то же время, выделяет уже у новорожденного пять эмоций с соответствующей им экспрессией (Holodynski, 2013). В дальнейшем он характеризует эти эмоции, как рефлекс-подобные реакции, вызываемые определенными состояниями организма, и не соотнесенные с каким-либо значением (not meaning-related appraisals). Однако в модели интериоризации Холодински исходит из того, что уже эти наиболее ранние формы экспрессии младенца (пусть и после определенного периода их успешного использования и дифференциации до пятнадцати вариантов в раннем возрасте) становятся источником эмоциональной экспрессии, как знака для себя, в дошкольном возрасте. Кроме того, новорожденный, по логике этой модели, сигнализирует первичной своей экспрессией о невозможности удовлетворить свои мотивы, то есть, исходная энергетизация действия в ранних формах эмоций у младенца уже присутствует.

Гергей и Уотсон (Gergely & Watson, 1999), при описании стартовой точки эмоционального развития, подчеркивают, что ключевое отличие внутренних ощущений младенца от эмоций в привычном для нас понимании этого слова в том, что для младенца они не соотнесены ни с какими обстоятельствами и условиями, а значит, полностью ситуативны, не

включают в себя ожидаемых, избегаемых или искомых последствий. В связи с этим, вероятно, мы не можем в полной мере называть эти переживания оценкой («appraisal») обстоятельств, стимулов, и даже, при учете рефлекторной природы этих переживаний, называть их оценкой собственного состояния. Таким образом, функцию энергетизации действия эти формы эмоций еще выполнять не могут.

По модели Гергея и Уотсона, первичные, физиологически-базированные переживания младенца обобщаются, соотносятся с определенными обстоятельствами своего возникновения и с возможными/желанными последствиями благодаря «отзеркаливанию» аффекта со стороны взрослого. Именно в этом процессе аффективные состояния первичного уровня приобретают вторичную репрезентацию, благодаря которой эмоции включаются в общее самоосознание, и соотносятся с действиями. То есть, в модели Гергея и Уотсона видно, каким образом эмоция приобретает функцию энергетизации действия.

Анализ этого процесса по модели Гергея и Уотсона показывает путь, вполне соответствующий пути интериоризации внешнего социального знака и преобразованию под воздействием этого некоторого непосредственного психического процесса в процесс, опосредованный репрезентацией, и позволяющий управлять своим действием более самостоятельно. В роли внешнего социального знака, как мы уже рассмотрели выше, выступает «отзеркаливание» аффекта взрослым. Здесь нужно отметить, что Гергей и Уотсон отдельно подчеркивают то, что взрослый совершает «отзеркаливание» аффекта, специфически коммуникативно маркируя свою экспрессию и действия. До некоторой степени это похоже на «материнскую речь» в отношении эмоций: эмоции, которые взрослый атрибутирует младенцу, он демонстрирует ярче, направленнее, сопровождает выделяющим их комментарием (Gergely & Watson, 1999). По мнению Гергея и Уотсона, такая маркированность является необходимым условием для того, чтобы ребенок обнаружил «отзеркаливание» аффекта и соотнес его со своим состоянием, с его условиями и последствиями. Тем самым, поведению взрослого в данной модели придается еще в большей степени характер знака. В роли же процесса, который в начале является естественным и фактически рефлекторным, а после интериоризации знака, используемого взрослым для помощи в его реализации, преобразуется в опосредованный репрезентацией, в модели Гергея-Уотсона выступает управление действиями на основе собственных эмоций.

При целостном рассмотрении процесса преобразования форм эмоций в ходе развития мы видим главное отличие между анализируемыми моделями. И по модели Холдински, и по модели Гергея-Уотсона в процессе эмоционального развития происходит

включение эмоциональных аспектов поведения взрослого, как знака, в становление более зрелых форм эмоций у ребенка. Однако это преобразование происходит по модели Холодински в конце дошкольного возраста (Holodynski, 2013). Тогда как в модели Гергея и Уотсона включение знака в индивидуальный процесс можно наблюдать уже в той форме реализации эмоций, на которую оказывается способен годовалый ребенок. Ведь уже в этом возрасте происходит перестройка этого процесса: не адресованные каким-либо обстоятельствам, не связанные с внешним значением, ситуативные переживания преобразуются в полноценно функционирующие эмоции с репрезентативным компонентом.

Здесь важно подчеркнуть, что в модели Холодински изменение, о котором мы говорим, наблюдаемое на первом году жизни, также зафиксировано, и с небольшими отличиями, указанными нами выше, он его также описывает. Однако Холодински не рассматривает этот момент, как собственно произошедшую интериоризацию знака, как преобразование разделенного между ребенком и взрослым процесса в индивидуальный, реализуемый в психике ребенка процесс. С другой стороны, мы должны отметить, что Гергей и Уотсон и вовсе не используют термин «интериоризация», и не апеллируют к теории Л.С.Выготского, в связи с чем может и наблюдаться данное различие между моделями.

Тем не менее, вышеприведенный анализ, на наш взгляд, показывает, что, с одной стороны, отнесение момента интериоризации знака к дошкольному возрасту приводит к потере существенных черт процесса интериоризации. В частности, оказывается не до конца объясненным возникновение энергетизации действия эмоцией, то есть, новообразования в исследуемой области развития. С другой стороны, такое рассмотрение периода упускает момент существенной перестройки психического процесса с появлением опоры на репрезентацию. Те изменения, которые происходят в годовалом возрасте, выглядят в модели Холодински лишь промежуточным нарастанием, постепенным продвижением в направлении зрелой формы.

Таким образом, в модели Гергея и Уотсона мы можем найти в достаточной мере черты интериоризационного подхода к развитию, и при этом данная модель решает задачу применения такого подхода в большем соответствии с его базовыми принципами, нежели модель Холодински, по отношению к которой эти принципы открыто постулированы. По предложенному анализу, мы можем сделать вывод, что это происходит, в первую очередь, за счет рассмотрения более локального периода развития, с фиксацией новообразования в логике исследуемого психического процесса. Описывая разрабатываемую модель, Холодински отталкивается от функционалистского понимания эмоции и подчеркивает вклю-

ченность эмоции в управление действиями и физиологическую базированность эмоции. Значит, изменения в ходе эмоционального развития именно в этом отношении должны быть зафиксированы моделью, как качественные, по внутренней логике самой модели не могут оставаться промежуточным постепенным нарастанием зрелости формы реализации эмоции.

В то же время, выделяемый в модели Холодински качественный перелом в развитии эмоций в дошкольном возрасте, безусловно, также является существенной перестройкой. Холодински указывает, что в этот момент экспрессивные средства, с помощью которых ребенок сигнализировал о своем эмоциональном состоянии другим, могут быть направлены ребенком на себя самого. Это позволяет ребенку на новом уровне использовать эмоцию для регуляции действия. Примеры, которые приводит Холодински, действительно демонстрируют изменение в возможности управлять своими действиями с использованием собственных эмоций: «взрослый человек может обеспечить себе поддержку, когда испытывает печаль» (Holodynski, 2013, стр. 14). В этом мы можем наблюдать не просто избегание обстоятельств, которые обычно вызывают грусть, и стремление к обстоятельствам, которые обычно вызывают радость, то есть, тот уровень управления действиями на основе эмоций, который оказывается достигнут к концу первого года жизни. Оказание себе поддержки в ситуации, когда испытываешь печаль, указывает на то, что человек может вообразить себя радостным, находясь в грустном состоянии, и предположить, а затем и искать, те обстоятельства, которые могли бы у него вызвать радость и "снять" грусть. Такой анализ эмоции во внутреннем плане мы не можем ожидать у годовалого ребенка.

Также Холодински показывает, что к концу дошкольного возраста ребенок оказывается способен интерпретировать внутренние (проприоцептивные и физиологические) признаки эмоционального состояния и еще до возникновения яркой внешней экспрессии предпринимать нечто для удовлетворения своих мотивов (Holodynski, 2013). При этом, внешняя экспрессия не исчезает из репертуара ребенка, а оказывается сосредоточена на функции общения, донесения информации о переживаемых эмоциях до окружающих.

В этом процессе Холодински видит сходство эмоционального развития с появлением внутренней речи по Л.С.Выготскому. Изначально социальная, то есть, направленная на изменение поведения окружающих, речь ребенка проходит этап эгоцентрической речи, во время которого она уже направлена на структурирование действий и регуляцию внимания самого ребенка, хоть и воспринимается им, как адресованная окружающим, а затем

эти функции окончательно закрепляются во внутренней речи, но внешняя, социальная речь при этом остается для выполнения коммуникативных функций и даже становится более развернутой, сложной и выразительной. Аналогичный процесс Холодински видит и в развитии эмоциональной экспрессии. Исходно экспрессия ребенка направлена на окружающих и призвана изменить их поведение в направлении удовлетворения его мотивов. В дальнейшем, за счет устойчивого ответа взрослого с использованием эмоциональной экспрессии, адекватной ситуации, у ребенка появляются экспрессивные сигналы, направленные им на самого себя, хотя еще и реализуемые вовне. И лишь после завершения дошкольного возраста эти сигналы в полной мере преобразуются, по мнению Холодински, во внутренние ощущения. Эти внутренние ощущения существуют наряду с внешней эмоциональной экспрессией (чьей функцией остается регуляция взаимодействия с другими людьми) и позволяют ребенку анализировать свои эмоции во внутреннем плане, обеспечивая произвольную саморегуляцию (Holodynski, 2004; Holodynski, Seeger, Kortas-Hartmann, & Wörmann, 2013).

Аргументируя наличие внутренней эмоциональной экспрессии, выполняющей функции анализа своих эмоций во внутреннем плане, Холодински приводит эмпирическое исследование, в котором взрослых испытуемых во время упражнений на глубокую релаксацию просили вспомнить пережитое ими радостное событие встречи с любимым человеком после продолжительной разлуки, и событие, в котором они испытали гордость за свои достижения (Holodynski, von Olberg, & Urmann, 2001). Оказалось, что в самоотчете участников встречалось не только описание собственно эмоции, но и проприоцептивных ощущений собственной экспрессии – улыбки, радостной интонации во внутренней речи, импульса обнять любимого человека при встрече, и расправленных плеч, победных интонаций внутренней речи, соответственно.

В целом, позиция модели Холодински по поводу существования качественного перехода в развитии управления действием на основе эмоций в конце дошкольного возраста, заключающегося в появлении таких форм эмоций, которые могут быть удержаны и сопоставлены во внутреннем плане, выглядит последовательно и эмпирически, и теоретически аргументированной. Однако в логике становления этой формы мы вновь обнаруживаем некоторое несоответствие фактам в описании начального этапа.

Когда Холодински проводит параллель между происхождением внутренней речи из внешней социальной речи и происхождением внутренней экспрессии из внешней социальной экспрессии, в качестве начального этапа он указывает первичную экспрессию,

имеющуюся у новорожденного (Holodynsky & Friedlmeier, 2006). Но из анализа поведения младенца в начале первого года жизни, приводимого как самим Холодински (там же), так и Гергеем и Уотсоном (Gergely, Watson, 1999), и другими авторами (Sroufe, 1997), видно, что начальные формы эмоциональных переживаний еще не несут информации об обстоятельствах их возникновения или искомых/избегаемых последствиях, то есть, психологического смысла (meaning) для самого носителя переживания, а значит, их экспрессия не может быть в полной мере аналогична внешней социальной речи, как коммуникативный сигнал.

В то же время, формы эмоциональной экспрессии, которые Холодински ставит в соответствие эгоцентрической речи, оказываются отнесены к дошкольному возрасту, то есть, осваиваются на протяжении него. Хотя Холодински не приводит примеров подобной эгоцентрической экспрессии и ситуаций, в которой она используется, но, опираясь на концепцию развития Д.Б.Эльконина (2004) и на данные А.Лесли (Leslie, 1987, 1994) о роли воображаемых ситуаций в становлении репрезентационных возможностей для эмоций, мы могли бы ожидать, что эмоциональная экспрессия, изображаемая для погружения в воображаемую ситуацию со специфичными для нее переживаниями внутри сюжетно-ролевой игры дошкольника (а также при чтении книг и просмотре мультфильмов, и их обсуждении), является аналогом эгоцентрической речи в логике развития эмоций. Здесь нужно отметить и тот факт, что именно в этом возрастном периоде осваиваются и активно используются для анализа, сравнения и соотнесения своих эмоций с различными ситуациями упоминаемые Холодински речевые культурно-специфические обобщения относительно эмоций и культурно-специфические формы эмоциональной экспрессии, возникающие после их оречевления.

Таким образом, мы хотели бы показать, что в модели Холодински зафиксирован действительно момент преобразования процесса управления действиями на основе эмоций, происходящий за счет интериоризации внешнего знака (эмоциональной экспрессии) взрослого, в конце дошкольного возраста. В то же время, в этой модели не обоснованно рассмотрен как промежуточный момент другого преобразования данного процесса, происходящий в конце младенческого возраста. При этом, логика процесса интериоризации по модели Холодински, где, по аналогии с формированием внутренней речи, первоначально внешние экспрессивные знаки, направленные на взаимодействие со взрослым, и внешние экспрессивные знаки, используемые самим взрослым, дают ребенку опыт анализа собственных переживаний и управления действиями на его основе, а затем преобразуются во

внутренние экспрессивные знаки, соответствует указываемому в данной модели новообразованию в конце дошкольного возраста. Но этот процесс не согласуется с указанной в модели стартовой точкой – экспрессивными возможностями новорожденного. В роли внешних, активно используемых знаков внутри коммуникации со взрослым, обладающих психологическим смыслом, необходимым для того, чтобы использовать их для изменения поведения окружающих, могут выступать экспрессивные сигналы ребенка 2-3 лет. Интересно, что по фактическим примерам и описанию промежуточных этапов в своей модели Холодински это хорошо показывает (Holodyncki, 2013). В связи с этим, возможно, формирование новообразования в конце дошкольного возраста было бы вполне обоснованно рассмотреть как другой, следующий этап, отдельный интериоризационный процесс, началом которого выбрать не состояние новорожденности, а указанное в той же модели формирование полноценно функционирующих эмоций.

Учитывая проведенный нами анализ модели Гергея-Уотсона, можно предложить выделить процесс формирования полноценно функционирующих эмоций в отдельный, первый этап интериоризации внешних знаков, используемых взрослым, в ходе эмоционального развития. Безусловно, и сами интериоризируемые знаки («отзеркаливание» аффекта и оречевленная эмоциональная экспрессия) и процесс присвоения (удовлетворение потребностей младенца взрослым и взаимодействие в контексте и по поводу воображаемых ситуаций), и формируемое новообразование (форма эмоций с репрезентативным компонентом, позволяющая соотносить переживания с обстоятельствами и последствиями, и форма эмоций, позволяющая анализировать и соотносить их во внутреннем плане) различаются на этих этапах развития эмоций. Но в обоих процессах можно проследить становление одной линии развития: возможности управлять своими действиями на основе собственных эмоций.

Предлагаемые нами уточнения в модели интериоризации Холодински и включение модели социо-био-обратной связи Гергея-Уотсона в более широкую схему интериоризационного хода развития эмоций обнаруживают явное сходство с теорией развития Д.Б.-Эльконина (2004), что на наш взгляд, дополнительно обосновывает такую интерпретацию. При этом, в данном обзоре мы задавались целью привлечь внимание читателя именно к этим моделям, активно разрабатываемым в направлении обеспечения исследований механизма развития эмоций теоретической базой, более предметно сфокусированной, нежели подходы к развитию психики в целом или к общепсихологические модели эмоций в целом.

Проведенный нами анализ показал, что предложенные в современной литературе в

данном направлении модели Гергея-Уотсона и Холодински содержат много общих черт. Эти подходы называют в качестве общего механизма развития эмоций включение внешних коммуникативных знаков во внутренний индивидуальный процесс, в качестве таких знаков указывая эмоциональные аспекты поведения взрослого, выделяют сходные этапы в эмоциональном развитии (подчеркивая разницу между физиологически-базируемыми предшественниками эмоций в новорожденности и соотнесенными с внешней ситуацией, обладающими значением, полноценно функционирующими эмоциями у годовалого).

В то же время, между предлагаемыми в данных моделях механизмами обнаруживаются и различия. Мы начали разговор о них с довольно локальных и не полностью полярных разногласий между ними: разное понимание того, какие именно детали поведения взрослого в отношении переживаний младенца оказываются интериоризированы; различия в акцентах на функции энергетизации действия у первичных форм эмоций. Но благодаря этому нам удалось показать, что ключевое различие между данными моделями заключается в статусе, придаваемом внутри каждой из них преобразованию форм эмоций, которое наблюдается в конце первого года жизни. Момент появления полноценно функционирующих эмоций, с их соотнесенностью с обстоятельствами и последствиями в реальной ситуации, в модели Гергея-Уотсона выступает, как момент включения внешнего знака во внутренний процесс управления действием на основе эмоций, а в модели Холодински – лишь как промежуточный этап на пути интериоризации внешнего знака, для возникновения в дошкольном возрасте новой формы эмоции, опирающейся на внутреннюю эмоциональную экспрессию и позволяющей анализировать свои эмоции во внутреннем плане. Такой промежуточный статус этого изменения приводит к тому, что и новорожденность и конец первого года рассматриваются в модели Холодински как периоды использования экспрессии для коммуникации, то есть, социального, разделенного со взрослым использования знака. Анализ описаний внутри модели и при сравнении с моделью Гергея-Уотсона, показывает, что это оправдано по отношению к экспрессии годовалого ребенка, но не учитывает существенного отличия экспрессии в начале этапа младенчества.

Обсуждение и сравнение двух рассматриваемых моделей позволяет выделить внутри линии развития управления действиями на основе эмоций два самостоятельных момента интериоризации (в конце младенчества и в конце дошкольного возраста), с различными внешними, интериоризируемыми, знаками («отзеркаливание» аффекта и оречевленная эмоциональная экспрессия) и формами эмоций разного уровня зрелости, появление каждой из которых обеспечивает в большей степени произвольное и индивидуализированное

управления действиями на их основе (полноценно функционирующие эмоции с репрезентативным компонентом и внутренняя эмоциональная экспрессия, позволяющая анализировать эмоции во внутреннем плане). В целом, рассматриваемые модели и предложенные их теоретические модификации представляются крайне интересными в качестве основы для эмпирических исследований в данной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. – Directmedia, 2014.
 2. Frijda N. H. The laws of emotion //American psychologist. – 1988. – Т. 43. – No. 5. – С. 349. Gergely G., Watson J. S. Early socio-emotional development: Contingency perception and the social-biofeedback model //Early social cognition: Understanding others in the first months of life. – 1999. – Т. 60. – С. 101-136.
 3. Hains S. M. J., Muir D. W. Infant sensitivity to adult eye direction //Child development. – 1996. – Т. 67. – No. 5. – С. 1940-1951. Holodynski M. The miniaturization of expression in the development of emotional self-regulation //Developmental Psychology. – 2004. – Т. 40. – No. 1. – С. 16.
 4. Holodynski M. The internalization theory of emotions: A cultural historical approach to the development of emotions //Mind, Culture, and Activity. – 2013. – Т. 20. – No. 1. – С. 4-38. Holodynski M., Friedlmeier W. Development of emotions and emotion regulation. – Springer Science & Business Media, 2006. – Т. 8.
 5. Holodynski M. et al. Placing emotion regulation in a developmental framework of self-regulation //Handbook of self-regulatory processes in development: New directions and international perspectives. – 2013. – С. 27-59. Holodynski M., von Olberg B., Upmann K. Mental signs of expression and recognition of one's own feelings //Poster presented at the Amsterdam Feelings & Emotions Symposium, Amsterdam, the Netherlands. – 2001.
 6. Izard C. E. Basic emotions, natural kinds, emotion schemas, and a new paradigm //Perspectives on psychological science. – 2007. – Т. 2. – No. 3. – С. 260-280. Labouvie-Vief G. Dynamic integration: Affect, cognition, and the self in adulthood //Current directions in psychological science. – 2003. – Т. 12. – No. 6. – С. 201-206.
 7. Lazarus R. S. Emotion and adaptation. – Oxford University Press on Demand, 1991.
- Leslie A. M. Pretense and representation: The origins of "theory of mind." //Psychological review. – 1987. – Т. 94. – No. 4. – С. 412.
- Leslie A. M. ToMM, ToBy, and Agency: Core architecture and domain specificity //Mapping the mind: Domain specificity in cognition and culture. – 1994. – С. 119-148.
- Lewis M. Self-conscious emotions //Emotions. – 2000. – С. 742.
- Lutz C. A. Unnatural emotions: Everyday sentiments on a Micronesian atoll and their challenge to Western theory. – University of Chicago Press, 2011.

Saarni C. The development of emotional competence. – Guilford Press, 1999.

Scherer K. R. Appraisal considered as a process of multilevel sequential checking //Appraisal processes in emotion: Theory, methods, research. – 2001. – T. 92. – No. 120. – C. 57.

8. Sroufe L. A. Emotional development: The organization of emotional life in the early years. – Cambridge University Press, 1997.

9. Tronick E. Z. Emotions and emotional communication in infants //American psychologist. – 1989. – T. 44. – No. 2. – C. 112.

10. Wierzbicka A. Emotions across languages and cultures: Diversity and universals. – Cambridge University Press, 1999.